И 357/302

ЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

ВОЛШЕБНЫЕ ГОРЫ ЗАПАДНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Исключено

„У НАС И ЗА ГРАНИЦЕЙ" № 2
СЕРИЯ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. Б. А. КЕЛЛЕРА

91/5
Б-68

Проф. А. В. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

ПО ПРЕДГОРЬЯМ ЗАПАДНОГО ТЯН-ШАНЯ

С 18 рисунками

2989

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Издат. № 2863.
Главлит А-21441
Тираж 10.000 экз.

Сравняться с этими высокими горами
И сами облака плывучие не в силах...
Покрыла дымка все—и густо голубеет.

Вэй-Юн [1]

I. ЕДЕМ В ГОРЫ!

С вечера у нас царит необычайное оживление. Приведены арбакешами и поставлены на дворе арбы—эти допотопные экипажи на двух огромных колесах, сходятся со всех концов Ташкента участники экскурсии, привозятся из университета ящики с приборами и снаряжением...

У всех отправляющихся настроение приподнятое. Предстоит довольно долгая разлука не только с родными и знакомыми, но и с культурной жизнью, ее распорядком и привычками. Рано утром надо отправляться по направлению к тем таинственным синеватым громадам гор, которые, такие далекие и такие заманчивые, заполняют всю восточную часть горизонта и блестят

[1] Китайский поэт, живший больше тысячи лет назад.

сейчас своими снегами в лучах заходящего солнца. Там, в этих степях Тян-Шаня, в горной долине, получившей за свой замечательный зеленый цвет название Чимган („зеленая долина"), Ташкентский университет устроил научно-исследовательскую станцию для изучения горной природы. Каждое лето университет отправляет туда своих студентов - ботаников, чтобы они не из книг только знакомились с горными растениями и особенностями их жизни, а лицом к лицу: подымаясь к снежным вершинам, опускаясь в глубокие, таинственные ущелья, переправляясь через бурные реки, ночуя под открытым небом.

Пять часов утра. Арбакеши запрягают лошадей. Идет погрузка ящиков с инструментами, постельных принадлежностей, провизии. Наконец в последний раз осматриваю свой караван и даю знак трогаться.

Улицы Ташкента еще тихи. Чувствуется утренняя прохлада. Мы все прекрасно знаем, что она скоро сменится угнетающей жарой, но пока невольно жмемся в своих легких костюмах, правда, может быть, скорее от недосыпа, чем от холода: в городе крайности континентального климата— резкие переходы от жары к холоду и наоборот,— конечно, не могут быть такими заметными, как в пустыне, так как большое количество растительности предохраняет землю от потери тепла ночью.

Наши арбы длинной вереницей растянулись по улице, направляясь к мосту через большой арык[1] Салар, за которым начинается Чимганская дорога. Скоро город остается позади. Тянутся бесконечные глиняные заборы (дувалы, как их называют узбеки), за которыми раскинулись промышленные сады, занимающие площади во много гектаров и снабжающие своими яблоками, грушами и персиками Москву, Ленинград и даже Финляндию и имеющие то преимущество перед крымскими, что плоды в них поспевают значительно раньше. Сады перемежаются полями хлопчатника и люцерны, виноградниками и бахчами, но о них мы можем только догадываться, так как все это скрыто за заборами. Горизонта совершенно не видно: вперед и назад уходит бесконечная аллея из тополей, шелковиц, карагачей (раскидистых вязов), растущих вдоль текущих по сторонам дороги арыков.

Время от времени проезжаем мимо чай-хане: небольшие навесы, под которыми стоят огромные самовары и на разостланных ковриках или просто войлоках сидят, поджав под себя ноги, узбеки за своим утренним чаем, сопровождаемым неизменной, плоской, как блин, лепешкой. Здесь же лежат грудами снопы зеленой сочной люцерны.

[1] Арыки—это вырытые человеком каналы, по которым проводится вода для орошения.

Иногда рядом с чай-хане ютится примитивная кузница, где обнаженные до пояса темно-бронзовые люди ожесточенно бьют молотками раскаленную подкову.

Нас все чаще начинают обгонять автомобили и автобусы, навстречу едут арбы, всадники, идут пешеходы: в 30 километрах от Ташкента по Чимганской дороге расположены большие оживленные селения Нияз-бек и Троицкое, да и до них шоссе проходит мимо ряда населенных мест. Все это сказывается и на оживленности дороги и на все увеличивающейся пыли. Целые облака последней окутывают арбы и густым налетом покрывают всех нас.

Становится все жарче и жарче. Духота почти такая же, как в Ташкенте, да и причины ее те же: масса растительности и полное отсутствие ветра. Мы едем уже четыре часа и начинаем с нетерпением думать об остановке, купанье, чае, еде: торопясь выехать пораньше, мы снялись с места, что называется, без маковой росинки во рту, и теперь пустой желудок дает себя знать. Наконец виден поворот дороги, очертания моста, несколько больших чай-хане. Мы въезжаем в селение Аккаван.

Арбакеши выпрягают лошадей: предстоит два часа отдыха. Идем искать место для купанья и по пути любуемся на могучий арык Баз-су,

Широким потоком стремительно несет он свои воды. Как-то не верится, что эта река—дело человеческих рук, а между тем Баз-су выкопан, и выкопан чрезвычайно давно. Полторы тысячи лет назад в Туркестане владычествовали китайцы. Теперь от них остались только названия некоторых селений, да вот это великолепное, смелое сооружение, выведенное из реки Чирчика и несущее свои воды через весь ташкентский оазис на протяжении многих десятков километров, пока вся вода из него не будет разобрана по тысячам маленьких арыков для поливки полей и садов. Перед самым Ташкентом воды Баз-су вертят турбины гидростанции, снабжающей электричеством весь этот город с его четырехсоттысячным населением.

После купанья усаживаемся в чай-хане, живописно расположившейся на самом берегу Баз-су под тенью гигантских ив, и с наслаждением отдыхаем от пыли, зноя и тряски.

На коврике багряном пьем мы чай.
Ряды купцов, вожатый каравана
Сидят вокруг, не разгибая стана.
Река звенит из-под высоких свай.
. . . . . .
И веет запах влаг, людей и пыли
Дыханьями какой-то смутной были
Волшебной неподвижностью веков [1].

[1] К. Липскеров. „Песок и Розы". 1916.

Здесь действительно во многом еще чувствуется глубокая старина: и в мрачных, закутанных в серые халаты с черными сетками на лице женских фигурах, и в караванах верблюдов, длинной вереницей проходящих через мост, и в призывных криках муэдзина, собирающего правоверных мусульман на молитву... Но в этот старый уклад уже врывается новая жизнь, сметая все старые предрассудки: все чаще и смелее откидывается с лица черная сетка, и женщина-узбечка перестает чувствовать себя вещью, все чаще слышен рев трактора на крестьянских полях и не редкость видеть посетителя чай-хане, склонившегося над газетой...

Лошади отдохнули. Можно двигаться дальше. Снова зной, снова пыль, но недавней духоты нет. Прекращаются бесконечные дувалы. Появляются поля, огороженные только низкими стенками, а за селением Троицкое кончается шоссе, и к самой дороге выбегают дикие, почти лишенные растительности холмы, на которых желтеют полувысохшие кустики руты. За большим кишлаком (селением) Ниаз-бек развертывается картина разливающегося здесь на несколько рукавов Чирчика, последнего крупного притока Сыр-Дарьи. Кое-где видны квадраты рисовых полей, резко выделяющиеся своим зеленым цветом несколько своеобразного оттенка. Рис уже стоит под водой,

которая на солнце блестит точно гигантское зеркало. Эти рисовые поля—рассадник малярийного комара. Здесь вырастает личинка этого ужасного насекомого. Вот почему у жителей этой местности такая желто-зеленая кожа и изможденный вид. Вот почему мы спешим проехать эти блистающие своей изумрудной зеленью места, пока еще не скрылось солнце и не начался лет комара. В настоящее время агрономы заняты выведением таких сортов риса, которые не требовали бы обязательной жизни в стоячей воде. Когда такой рис („суходольный рис") будет наконец найден, страшная малярия должна будет сильно сократиться.

С дороги мы видим нескольких аистов, важно расхаживающих по рисовым полям в поисках за пищей. Вечером с этих полей на ряду с кваканьем лягушек было слышно и „пение" жабы-бомбинатора (жерлянки), не лишенное своеобразной приятности и такое характерное для вечеров Средней Азии.

Дело близится к вечеру. Дорога становится все каменистее. Горы, такие далекие утром, теперь видны превосходно. Участники экскурсии не отрывают от них глаз, удивляются обилию снега, стараются распознать отдельные хребты и вершины. На меня сыплется град вопросов.

Переезжаем огромный арык Зах, выкопанный, по преданию, еще до Александра Македонского,

т. е. больше двух тысяч лет назад, и останавливаемся на ночлег на берегу последнего крупного оросительного канала, выведенного из Чирчика—Ханум-арыка.

Мы прошли в этот день больше 40 километров скучного и пыльного пути, почти все время между заборами и в духоте. Завтра оазис кончится, и мы вступим в совершенно другую обстановку. В чай-хане заказывается плов, без которого не обходится ни одно путешествие по узбекским селениям Туркестана, арбы привязываются так, чтобы в них можно было удобно спать, часть экскурсантов отправляется за два километра в русское селение Искандер за молоком, другие гуляют и любуются на совсем уже близкие горы...

II. РАБОТА ГОРНЫХ ПОТОКОВ

Небо еще усеяно звездами, когда с гор начинает порывисто дуть вдоль долины Чирчика холодный ветер — предвестник утра... Запрягаются лошади и, не будя спящих в арбах, мы отправляемся в дальнейший путь. Скоро приходится проснуться и самым завзятым любителям поспать: арбы начинает немилосердно кидать из стороны в сторону на камнях, которыми усыпана дорога. Постепенно слева от дороги появляются очертания каких-то громадных стен: в предутрен-

ней темноте трудно понять, что это такое, но как только светает, наши недоумения прекращаются: к самой дороге подходят обрывистые края древнего берега (так называемой террасы) Чирчика, сложенные из мощных галечников или конгломератов.

Когда-то в давнопрошедшие времена могучие горные потоки нанесли сюда и здесь отложили громадные количества камней, образовавшихся в результате постепенного разрушения гор под влиянием текучей воды, льда, ветра, нагревания и охлаждения, короче говоря, в результате так называемой геологами эрозии. На крупные обломки наносились мелкие частицы глины и песка, которые и сцементировали (скрепили) постепенно все это беспорядочное нагромождение отдельных камней в одну сплошную массу на подобие бетона. Этот-то естественный бетон геологи и называют конгломератом. А затем начались новые судороги земли, поднялись современные горы Тян-Шаня, и новые горные потоки начали врезаться в эти, казалось, несокрушимые толщи, отрывая от них кусок за куском и унося последние по направлению к равнине. Там эти обломки снова накапливаются и снова постепенно заносятся илом и песком.

Резкое шуршание под колесами и усиливающаяся тряска показывают что наш караван въехал в такую полосу нового отложения галечников

в прибрежной части долины. Впереди сверкает широкая лента быстро несущейся реки. Чирчик здесь только-что вышел из крутых обрывистых берегов, чтобы вступить в широкую равнину Ташкентского оазиса, разлиться на несколько рукавов и, понемногу успокаиваясь, направиться на соединение с Сыр-Дарьей.

Все участники экскурсии выходят из арб и в ожидании парома разбредаются по берегу, ежась от холодного ветра, скатывающегося с гор. Культурный оазис остался уже далеко позади. К самому берегу подходит характерная для низких предгорий Тян-Шаня бедная растительностью равнина. Кое-где разбросаны кустики тамариска, покрытые многочисленными мелкими розовыми цветочками. В некоторых местах видны небольшие заросли трехлистной солодки, клейкие железистые листочки которой распространяют довольно сильный и мало приятный запах. Над рекой быстро скользят белые чайки. Между камнями бегают кулички и напоминающие о близкой пустыне серенькие хохлатые жаворонки, так тщательно раскрашенные природой под цвет сухой земли, что с трудом различаешь эту птичку в нескольких шагах от нее.

Широким бурным потоком несется Чирчик, а за ним уже совсем близко все яснее и яснее вычерчиваются на золотом утреннем небе горные громады. Невольно приходят на память слова

поэта, одного из немногих знающего и любящего Среднюю Азию.

Там, за тобой, возвышенные страны,
Горбы хребтов твой застилают путь,
Гигантские как-будто караваны,
Прилегшие на землю отдохнуть...[1]

Наши арбы по две устанавливаются на паром. Вследствие быстроты течения ни на веслах, ни на шестах переправиться через Чирчик нельзя. Паром идет самотеком: через реку протянут солидный стальной трос (канат), по которому бежит колесо с прикрепленным к нему стальным же канатом, соединенным с паромом. Течение сносит последний несколько в бок, благодаря соответствующему повороту рулевого весла, и в результате мы с большой скоростью пересекаем реку и пристаем к левому берегу.

Проезжаем мимо последних рисовых полей, минуем узкие кривые улицы таджикского селения Газалкент, расположенного на обрывистом берегу Чирчика, и все больше и больше начинаем углубляться в горы. Справа от реки все ближе и ближе подходят мощные возвышенности Чаткальского хребта, на правом берегу Чирчика близится и растет Каржан-тау, в ущельях которого, несмотря на конец июня, лежат еще полосы снега; спереди

[1] К. Липскеров. „Песок и Розы" 1916.

запирают горизонт заваленные массами снега, блестящие в лучах утреннего солнца громады Угамского хребта.

Большинство моих спутников идет вместе со мной пешком: трястись в арбе в такое чудесное утро никому не хочется. Пользуюсь случаем и рассказываю историю одной из побед человека над природой.

С дороги, где мы едем, простым глазом видно по той стороне Чирчика громадное серое пространство, постепенно суживающееся по направлению к горам и тоненькой ниточкой уходящее в тесное ущелье, по склонам которого видны какие-то полосы. Эта ниточка—речка Ак-Ташка, а серое пространство—ее „конус выноса". Весной, когда идут дожди, водяные потоки, стекая по склонам, собираются в грозные массы, с ревом несущиеся вниз, захватывая громадные камни и все уничтожая на своем пути. Эти потоки называются „силями".

В 1923 г. я наблюдал такой силь; на моих глазах поток ворочал камни объемом в несколько кубических метров, вырывал с корнем большие деревья и обдирал с них кору. В том же году в Ферганской долине силь уничтожил больше 400 домов, унес людей, скот... Такие же сили проходили раньше по Ак-Ташке. Им обязан своим происхождением „конус выноса", состоящий из массы крупных камней. Теперь в Ак-Ташке не бывает силей: человек покорил эту речку, засадив

все склоны ущелья лесом. Вода уже не несется бешеными потоками по обнаженной земле, струйки медленно и спокойно стекают между стволами айлантусов, тополей, вязов, давая жизнь многочисленным травам. Здесь в Ак-Ташке впервые в Туркестане был сделан опыт искусственного облесения горных склонов и опыт этот дал прекрасные результаты.

Заодно обращаю внимание своих спутников и на те разрушения, какие производит Чирчик. На противоположном берегу видна по самому краю обрыва над рекой тоненькая светлая полоска — колесная дорога. Еще два года назад по ней шло все движение, и паромом никто не пользовался, так как Чирчик можно переехать по прекрасному мосту в Ходжакенте — селении лежащем при слиянии Угама и Чаткала, дающих рождение Чирчику.

Теперь по этой дороге ездить более чем опасно: река неуклонно подмывает свой правый берег, куски которого постоянно обрываются и с громадной высоты летят в воду, увлекая за собой и части дороги. Арбакеши рассказывают, что был уже целый ряд несчастий, так как вместе с дорогой, подточенной снизу, свергались в реку и арбы с запряженными в них лошадьми и с возницами. Пробовали берег укреплять при помощи разных сооружений, назначением которых было ослабление напора воды, но

река над всеми этими сооружениями смеялась, и из них ничего не вышло.

Долина Чирчика становится все уже и уже. На нашей стороне дорога лепится уже по самому берегу. Иногда сердце невольно сжимается, когда колеса арбы почти нависают над обрывом, под которым, саженях в 30—40, несется грозная, ревущая река. Последняя здесь удивительно красива. Под слоем конгломератов видны громадные красные обнажения — свидетели бывшего здесь когда-то моря. Контраст их с пенящейся рекой, серыми конгломератами, яркой зеленью раскинутых на том берегу полей и садов и удивительным синим небом необычайно эффектен.

В характере местности замечается резкое изменение. Дорога извивается среди огромных глыб известняка. Пласты известняка, поставленные вертикально, образуют и дорогу, по которой осторожно пробираются наши арбы. Известняки тянутся не долго: целая гряда известняковых скал, сильно выветрелых, покрытых трещинами, разбитых на куски, уходит в восточном направлении.

Мы въезжаем в большой кишлак Ходжакент и скоро делаем привал на берегу кристально-чистых обильных родников, бьющих у подножия огромных известняковых скал, под тенью вековых чинар. На эти чинары и обращается прежде всего наше внимание. Да они и стоят того.

Достаточно сказать, что чай-хане помещается на пне росшего здесь раньше дерева. Пень этот обмазан глиной, но очертания его видны вполне ясно. Лет сорок назад здесь еще стояло дерево, в дупле которого помещалась мусульманская школа. Теперь главный ствол рухнул, и осталась только поросль от пня из трех мощных стволов по несколько обхватов каждый. Основания стволов покрыты буграми и выпячиваниями, которые образуют как бы подпорки для удержания давящей на них сверху тяжести.

Селение Ходжакент

Отдельные четыреугольники, окруженные постройками—дворы узбеков и таджиков. Видно место впадения в Чаткал реки Угама.

Западный пролет моста через Чирчик у Ходжакента

III. РЕЧНЫЕ ДОЛИНЫ

После чая отправляемся смотреть мост через Чирчик. Проходим по узким кривым улицам „города богомольцев" [1] и понемногу спускаемся к тому месту, где на середине реки лежит большая скала, вся изъеденная водой. На эту скалу с обоих берегов переброшены железные мосты

[1] Ходжа—богомолец, совершивший так называемый хадж, т. е. побывавший в священном городе мусульман Мекке (в Аравии). Кент — город.

простого, но прочного устройства. Река, сжатая берегами, ревет, пенится, волны яростно лезут друг на друга и на скалы. Мы долго стоим здесь, любуясь рекой и рассматривая окрестности. В сущности Чирчик только отсюда получает свое начало, так как недалеко от моста, выше его происходит слияние двух рек: мутного Чаткала и голубого прозрачного Угама. Мы ясно видим с моста место, где сливаются воды этих двух потоков и затем некоторое время идут не смешиваясь.

С Чаткалом мы познакомимся дальше во время экскурсии; что же до Угама, то я пользуюсь случаем и знакомлю своих спутников со своими странствованиями по берегам этой прекрасной реки, несущейся среди зарослей грецкого ореха, алычи, винограда и ежевики по узкому ущелью между двумя грандиозными горными хребтами. Рассказываю об арчевых лесах [1], об узкой расщелине Лач-хана, в которой с громадной высоты падает кружевной водопад, о таинственных, еще никем не изучавшихся пещерах, о скалах из розового кальцита, о тех работах, которые мне с моими товарищами по университету пришлось вести на берегах Угама, изучая их растительность и отношения последней к окру-

[1] Арча — вид можжевельника.

жающим условиям. С моста не хочется уходить. Однако пора думать о дальнейшем пути. Ищем место для купанья. Последнее здесь, правда, на любителя: при температуре воздуха в 30° в тени, в воде термометр показывает только 8°. Руку начинает ломить, если ее некоторое время держать в воде. Несмотря на это, привычные к крайностям температуры туркестанские жители не обращают внимания на почти ледяную воду, и скоро, освеженные, все мы отправляемся к своим арбам.

Ходжакент остался позади. Мы переезжаем по мосту через глубокую расщелину, вырытую в известняках шумящим потоком, и вступаем в живописное место прорыва Чаткала через горный хребет. Здесь, не сходя с места, можно видеть ряд природных иллюстраций к геологии — науке об истории земли. Повсюду видны пласты известняка, смятые в складки самой разнообразной формы и размеров.

Жарко. Жарко и от солнца и от накаленных скал. Кроме нашего каравана, не видно никаких живых существ. Только высоко в небе чернеют фигуры грифов и ягнятников. Растительность зато стала гораздо богаче и свежее. Видны заросли цветущего темно-лиловыми цветами шалфея, желтого донника и темно-розовой чины. Если бы не все повышающиеся горы, покрытые

снегами, то можно было бы представить себя где-нибудь в Воронежской губернии. Впрочем, крупные желтые цветы на маленьком колючем кустарнике,—зашедшая сюда из равнины персидская роза,—сразу напоминают, что мы едем в сердце Азии.

Чаткал отходит в сторону. На север открывается вид на долину Пскема. В ней видны темные пятна больших кишлаков Сыджана и Багустана. Воспоминаниями о прежних экскурсиях дополняем картину: вспоминаются Пскем, текущий среди громадных красных обрывов, молочная белизна его вод, где-то в верховьях размывающих известковые скалы, вспоминается красивый кишлак Нанай, стоящий на высокой конгломератовой скале, с которой бешено мчатся водопады, и весь утопающий в садах, подобно Сыджану и Багустану. Сады—главная особенность пскемских кишлаков: недаром само слово Багустан значит по-персидски „страна садов".

Долина Пскема, как и некоторые другие горные долины западного Тян-Шаня, была одним из тех последних убежищ, куда укрылись от захлестнувшей древнюю страну земледельцев волны завоевателей-кочевников ее коренные жители, говорившие на персидском языке и известные теперь под именем таджиков. В настоящее время они уже подверглись сильному влиянию победи-

телей узбеков, с которыми им постоянно приходится сталкиваться; в язык их проникло много узбекских слов, равным образом сильно изменились их жизнь и нравы; но индо-европейские звуки языка, не такие выдающиеся скулы, как у узбеков и киргизов, большие глаза указывают на происхождение этих горцев.

Проезжаем киргизскую зимовку Чарвак, сейчас пустующую, так как все хозяева невзрачных глинобитных лачуг ушли на все лето в горы, уводя туда свои стада, отъедающиеся на роскошных пастбищах после зимних лишений. По зыбкому мостику переезжаем речку Чимганку и останавливаемся у чай-хане.

По имени своего прежнего владельца эта чай-хане носит название Юсуп-хане или, попросту, Юсупка. До цели нам остается всего восемь километров, сейчас всего два часа дня, но мы решаем заночевать в Юсупке, так как на протяжении этих восьми километров нам надо подняться почти на километр по вертикальному направлению, а это для наших усталых лошадей задача непосильная.

Многие высказывают нетерпение, так как зеленая долина Чимгана слишком заманчива, но я остаюсь непреклонен: даже на свежих лошадях дорогу от Юсупки до Чимгана надо итти часа четыре, на станции у нас еще нет помещения,

юрты не поставлены, погода в горах изменчива и можно очутиться в очень печальном положении. Мои спутники, скрепя сердце, вынуждены умерить свой пыл и разбредаются по окрестностям.

Наибольшее внимание всех привлекает довольно крутая гора по другую сторону речки. Зная, что оттуда открывается очень красивый вид на таджикское селение Брич-Муллу и горное ущелье Кок-су, я отправляюсь с большой группой на эту гору.

На склонах ее находим ряд растений, совсем уже не похожих на привычные ташкентские. Все очень заинтересовываются кустиками душистого растения, родственного русской богородской травке. Русского названия у него нет, но в последние годы оно приобрело в Туркестане большую известность под своим латинским названием зизифоры. Дело в том, что в 1922 году, когда наша ботаническая станция работала в долине Угама, один из преподавателей университета в Ташкенте занялся этим растением, желая установить, где оно накопляет больше душистых веществ: в более низких или более высоких местах.

Проработав целое лето, он получил прекрасное душистое масло, которое было показано специалистам в Москве. Там им сначала заинтересовались, а затем, как водится, забыли. Когда же выяснилось, что наш Союз ввозит из-за гра-

ницы громадное количество душистых веществ для выделки мыла и духов и таким образом тратит золото на такие вещи, которые у нас у самих растут под ногами, тогда пришла очередь и зизифоры. Хозяйственным организациям было указано, куда направить внимание. Были устроены маленькие заводики в различных местах гор, таджики доставляли зизифору, и из нее выгонялось душистое масло. Правда, зизифора не самое ценное душистое растение туркестанских гор, и можно бы указать на иные, гораздо более интересные, но, очевидно, для них еще не пришло время.

Кроме зизифоры, большой любительницы сухих склонов, других растений на горе было мало, но среди них встретился ряд таких, которые доставили нашим ботаникам большое удовольствие как своей красотой, так и новизной.

Полюбовавшись с вершины действительно прекрасным и грандиозным видом, мы вернулись в чай-хане и отдыхали весь остаток дня. Ночью начал слегка накрапывать дождь, и все ворчавшие на меня днем должны были сознаться, что в Чимгане они, вероятно, чувствовали бы себя не важно. Теперь же дождь для нас был даже полезен: он прибил пыль на дороге, и горный воздух казался еще прекраснее, чем обычно. Я побаивался, что дождь разойдется сильнее: тогда подъем от Юсупки до Чимгана был бы

невероятно труден, а с нашими тяжелыми арбами, груженными инструментами, и совсем невозможен. Однако все обошлось вполне благополучно.

Зизифора

IV. ПОДЪЕМ НА МАЛЫЙ ЧИМГАН

Перед отправлением приходится переложить груз на арбах, сосредоточив его в передней части: при другой нагрузке этого своеобразного экипажа лошади на крутых подъемах грозит опасность быть задушенной. А крутых подъемов нам предстоит много. На арбах остаются только вещи: все люди должны эти восемь километров непрерывного подъема итти пешком. Однако все окружающее настолько необычно, красиво и полно интереса, что никто и не думает протестовать.

Прежде всего поражает отсутствие голой, не покрытой растениями земли. Это покажется странным жителям Московской или Курской губерний, но в равнинном Туркестане трава—редкость, путник привык видеть серую и по большей части, сухую как порох землю, и поэтому зеленые склоны, густо задернованные разнообразнейшей растительностью, было первое, на чем с восторгом останавливался глаз. По краям дороги начинают попадаться уже чисто горные растения; прекрасная белая алтея, крупный синеголовник, пока еще без цветов, термопсисы, недавно еще усыпанные своими большими яркожелтыми цветами, огромные с широкими листьями и оранжево-желтыми соцветиями горные девясилы, перемежаясь друг с другом, заполняют все пространства между полями еще зеленой пшеницы.

Передняя арба останавливается, к ней подтягиваются и останавливаются остальные. Между арбакешами идет совещание. Они осматривают подпруги, пробуют крепость ремней на хомуте: предстоит одолеть крутой, хотя и не длинный подъем.

Внезапно раздается дикий визг и крик. Лошадь рванула, с трудом прошла до половины подъема, остановилась... Крик и визг усилились, дошли до пределов возможного. Арба начала медленно двигаться, но... не вверх, а вниз. Мы кидаемся

к ней, подпираем руками ее громадные колеса, присоединяем свои голоса к хору арбакешей и... блàгополучно вывозим арбу вверх. С остальными арбами повторяется то же. И таких передряг нам предстоит еще добрый десяток!

Все выше и выше. Воздух становится значительно свежее. Один из моих спутников с возгласом: „что это такое?“ приносит пригоршню пушистых белых плодов с чрезвычайно плотной оболочкой. Все с интересом осматривают куст с мясистым зеленым стволом и перистыми листьями. Объясняю, что это так называемый астрагал Сиверса, и рассказываю, что ему вероятно, принадлежит блестящее будущее: химические исследования, которые были сделаны в нашей лаборатории в Ташкенте, показали, что семена этого растения содержат в полтора раза больше белковых веществ, чем семена чечевицы, которые до сих пор считались самыми питательными из всех пищевых продуктов растительного происхождения.

Природа становится все разнообразнее и оживленнее. В траве копошится множество насекомых, перелетают птицы. Наше внимание давно уже привлекают какие-то странные зигзагообразные полосы поперек дороги. Долго никто не догадывается об их происхождении, пока спереди не раздаются крики: „Змея! Змея!“ Змея на деле

оказывается невинным желтопузом — большой змееобразной безногой ящерицей; при внимательном осмотре можно было обнаружить пару зачаточных задних ножек. Предупреждаю всех, что могут быть и более опасные встречи. И действительно, через некоторое время около дороги была найдена спящая молодая гадюка, а в конце подъема, уже перед самым Чимганом, мой сын, уже знакомый с природой этой долины, обнаружил на камнях у ручья и самую страшную из змей Тян-Шаня—щитомордника, ближайшего родственника американской гремучки. Змейка эта очень невелика, но укус ее, повидимому, смертелен.

Пройдено приблизительно две трети подъема. В растительности заметно резкое изменение. Нет уже больше полей, зато все чаще и чаще разные кустарники: цветущая жимолость, вся усыпанная крупными желтыми цветами, горная роза (шиповник), наполняющая своим ароматом воздух, вьющийся по кустарникам дикий горошек с кистями фиолетовых цветов, разнообразные зонтичные, в том числе красивый сусамар с его мягкими мелко рассеченными огромными яркозелеными листьями. Наконец в одном из боковых ложков показываются первые прекрасные деревья грецкого ореха, а среди кустов шиповника издали приковывает к себе взгляд красивейшее растение средне-азиатских гор „эремурус

мощный": высокая (до 2½ метров) стрелка, покрытая почти на метр от верхушки крупными

Эремурус мощный

нежно-розовыми цветами с приятным запахом. Чем ближе к Чимгану, тем больше видно среди кустарников этих чудесных растений. То одиночками, то группами вздымаются они своими гордыми султанами, придавая совершенно особую прелесть окружающей картине!

Прошло уже часа четыре с тех пор, как мы покинули Юсупку. Лошади измучились и тяжело дышат. Наконец впереди становятся видны белые домики, купы деревьев, юрты и в то же время, из-за гребня ярко-зеленой, длинной и узкой горы, которую мы огибаем—Малого Чимгана—показывается усыпанный сверху снегом мощный массив

Большого Чимгана, видный от самого подножия и до вершины, со всеми своими скалами ущельями. Еще несколько десятков минут, последний труднейший подъем, и мы на месте.

Зеленая долина. С юга — серый, увенчанный снегами Большой Чимган, на западе и севере—

Северная часть долины Чимгана

мягкие, волнистые зеленые горы, на востоке— снизу веселая, зеленая, а сверху мрачная бурокоричневая от увенчивающих ее известняковых скал стена Малого Чимгана. Долина прорезана вдоль быстрой и прозрачной речкой Чимганкой, берущей свое начало из так называемых „две-

надцати ключей", бьющих у подножия Большого Чимгана. К речке с Малого Чимгана спускаются лощины, вдоль которых растут громадные, вековые деревья грецкого ореха. В одной из таких лощин в тени орехов и расположились юрты нашей станции. Здесь закипела дружная работа по изучению горных растений, отсюда во все стороны направились наши экскурсии за материалами для исследования. Расскажу о двух таких экскурсиях.

V. ВОСХОЖДЕНИЕ НА БОЛЬШОЙ ЧИМГАН

Еще темно, но какое-то внутреннее побуждение заставляет меня в половине пятого раскрыть глаза.

Сначала не могу понять, зачем я проснулся, но через несколько секунд вскакиваю, быстро одеваюсь и иду будить остальных: сегодня мы должны сделать восхождение на вершину Большого Чимгана, проследить изменения растительности в зависимости от высоты и собрать материал по высокогорным растениям. Все быстро поднимаются. В последний раз осматривается обувь: итти можно только в совершенно крепкой, иначе вернешься босой, с израненными ногами. Собираем свое снаряжение: термометры, фотографические аппараты, папки с запасами бумаги для сбора растений. Главное же, на что

приходится обратить особенное внимание—провизия: предстоит поднять на высоту 3.300 метров над уровнем моря с тех 1.400 метров, на которых расположена станция, вес своего тела, другими словами, проделать работу, которая для человека весом в 60 кило выразится величиной больше 100.000 килограммометров. Ткани нашего тела должны израсходоваться на то, чтобы дать энергию для этой работы, т. е. послужить топливом для той машины, какою является человеческий организм. Расход этого топлива должен непрерывно пополняться, иначе в работе машины наступят перебои. Пополнение идет за счет пищи. Все наше снаряжение мы несем на себе, большие запасы брать нельзя, и приходится всю провизию брать в возможно более сгущенном виде: масло, яйца, сахар, жареная баранина, хлеб. Приходится брать и фляжки для воды, так как на подъеме от подножия до снегов нет никаких источников. Наконец не забывается и последний, необходимейший предмет снаряжения—хорошая, крепкая палка.

В шестом часу трогаемся. Совсем светло, но солнце еще не скоро покажется из-за Малого Чимгана, и, пользуясь утренней прохладой, мы сможем пройти довольно много и даже, может быть, подняться тысяч до двух метров, не страдая от дневной жары, а на больших высотах лучи

солнца, хотя и жгут кожу до пузырей, но воздух всегда прохладный и жара не изнуряет.

Высоко над нашими головами слышны резкие характерные крики — это золотистые щурки, играя, гоняются друг за другом. На дорожке

Большой Чимган

перед нами замечаем в то же время стайку изящных птичек — розовых скворцов. И золотистые щурки и розовые скворцы чрезвычайно красивы: в оперении золотистой щурки встречаются белый, зеленый, голубой, золотисто-желтый, темно-коричневый цвета в чрезвычайно нежных переходах и оттенках; у розового скворца только

два цвета: черный и розовый, но они так гармонично распределены по телу птички, и такой эффектный вид придает ей черный хохол на голове, что, на мой вкус, по крайней мере, розовый скворец красивее золотистой щурки. Но эти птицы замечательны не только красотой: щурку остро ненавидят все пчеловоды, а скворца считают своим покровителем земледельцы. Залетая на пасеку, а их много раскидано по горным долинам западного Тян-Шаня, щурка блаженствует: с каким-то наслаждением, пронзительно крича, гоняется она за пчелами, стараясь истребить их возможно большее количество. Можно ясно видеть, что истребление пчел идет именно ради удовольствия, а не ради еды. И совершенно то же самое проделывает розовый скворец в стае саранчи: он убивает ее ради самого убийства, не ища для себя никакой особенной выгоды. Понятно, что около пасек постоянно слышатся выстрелы, а убить розового скворца считается почти преступлением.

Переходим, прыгая с камня на камень, через речку. На берегу растет береза (дерево, которое нельзя найти в равнинном Туркестане), а на ее тоненьких веточках подвешен какой-то пушистый мешочек: это маленькая синичка, черноголовый ремез, один из лучших архитекторов птичьего мира, выстроил здесь свое жилище. Из пушистых

летучек семян тополя и ивы он сделал плотную ткань, мягкую и теплую, придал сделанной из нее постройке изящную форму и подвесил так, что ни соня (красивый зверек, похожий на маленькую белочку, только не с таким большим и пушистым хвостом), ни древесная чимганская змея—узорчатый полоз не смогут добраться до его маленьких красивых яичек и беспомощных птенчиков.

Среди кустов шиповника и жимолости вдруг мелькает прекрасная птичка коричневатого цвета, с белым брюшком, черным хохолком и длинными хвостовыми перьями. Это райская мухоловка, живое указание на близость Туркестана к тропикам. Райская мухоловка принадлежит к обитателям лесов Цейлона и Зондских островов, и присутствие ее в долинах Западного Тян-Шаня можно объяснить только тем, что когда-то существовала более тесная связь между столь разнородными теперь по своей природе странами. Чудесная птичка появилась перед нами и исчезла, оставив впечатление какого-то сказочного видения.

Мы быстро проходим долину, заходим на минуту выпить по чашке кумыса в киргизский аул, около которого пасутся небольшие косяки молодых лошадей, и бродят по берегу речки, среди камней, стада коз и начинаем подниматься на одну из „лап“ Большого Чимгана, выпущен-

ную им по направлению к долине. Подойдя вплотную к горе и всматриваясь в нее, мы быстро составляем себе представление о ее происхождении. Мы видим перед собой громадную массу гранита, сверху прикрытую мощными толщами мрамора.

В давно прошедшие времена на месте Чимгана бушевало море и откладывало слой за слоем раковины живших в нем моллюсков и известковые скелетики микроскопических животных—корненожек. В течение ряда тысячелетий образовались огромные толщи известняка. Затем наступили горообразовательные процессы. Громадные массы расплавленной лавы ринулись из недр земли, но не смогли прорвать известковой коры, а только подняли ее на высоту двух с лишним километров над уровнем моря и сами вылились в образовавшиеся пустоты. Затем лава медленно застыла под давлением налегавших сверху масс известняка, известняк при этом закристаллизовался в виде мрамора, а лава превратилась в гранит. Прошли еще миллионы лет. Таявшие снега, дождевые потоки, движение ледников мало-по-малу обнажили гранитную массу и, постепенно разрушая ее, придали ей современные причудливые очертания. Солнечные лучи днем нагревали гранит до температуры свыше 70° (это показали нам наши измерения), ночью скалы

сильно охлаждались. Резкие смены температуры расшатывали связь между частицами гранита, появлялись трещины, в них попадала вода и, замерзая в холодные ночи, откалывала от гранита кусочки, которые в конце концов превращались в массы мелкозема, годного для поселения на нем различных растений. Мелкозем сносился дождями вниз, к подножью гор, задерживался здесь травой и давал начало почве.

Мы ясно представили себе эти явления, карабкаясь среди густых зарослей подножья горы и постепенно переходя на все более и более оголенные места. Попутно мы обратили внимание и еще на одно любопытное обстоятельство: растительность на склонах, обращенных на север и обращенных на юг, была совершенно разная: сочная и высокая на северных, она на южных, всего в нескольких метрах, выглядела чахлой и еле влачащей свое существование: угнетающее действие прямых солнечных лучей, высушивающих почву, здесь выражалось чрезвычайно выпукло.

Обнажения гранита покрыты крупным розовато-серым песком, и здесь можно встретить любопытное растение—акантолимон. Все оно на вид какое-то сухое и жесткое: жесткие листья, сухие розовые пленки цветов, короткий угловатый стебель, колючки—все говорит за то, что

этому растению не легко живется, что ему приходится бороться за каждую каплю воды, за каждый след питательных веществ. Сухой воздух и сильное освещение прямыми солнечными лучами заставляют акантолимон быстро терять воду путем испарения с поверхности листьев. Корни, хотя и уходящие чрезвычайно далеко в трещины гранита, не находят там достаточно влаги, чтобы пополнять потери. В связи с этим у растения уменьшается его листовая поверхность, листочки покрыты плотной кожицей— растение „идет на все, лишь бы уменьшить потерю воды". Кроме наружных приспособлений, у него появляются и внутренние: его клеточки, оказывается, могут терять без вреда для себя большие количества воды; сок, находящийся внутри них, густеет до такой степени, какой никогда не наблюдается у растений средней России. Так, пользуясь разными способами, растение переживает засуху, переносит такие условия, в которых гибнут другие, менее приспособленные.

Но не одни акантолимоны привлекают наше внимание: на этих же выветрившихся гранитах мы вспугиваем выводок горных куропаток—кекликов. Маленькие испуганно прячутся между камнями, разбегаясь между ними подобно пушистым шарикам, а матка с криком отлетает в сторону, стараясь привлечь нас на себя. Но, к счастью,

среди нас нет охотников, и птичья семья постепенно успокаивается. Кекликов в горах множество: постоянно слышен их своеобразный крик—кудахтанье.

На высоте двух тысяч пятисот метров над уровнем моря мы доходим до снега, лежащего

Альпийские луга и вечный снег у вершины Большого Чимгана

здесь круглый год, и, перейдя его, начинаем подниматься по страшно трудному пути или, вернее, без всякого пути, так как приходится двигаться прямо по мраморным скалам, выбирая только такие места, где могла бы ступить нога и где не слишком сыпались бы осколки. Высота

места дает себя знать: каждый шаг вверх требует большого напряжения, воздуха для дыхания нехватает, приходится постоянно останавливаться и „любоваться видами". Правда, мы останавливаемся не только для того, чтобы передохнуть: около снега летают огромные белые бабочки—аполлоны, и страсть к коллекционерству немедленно пробуждается: слишком заманчивы эти красавцы.

Много внимания уделяем мы и растениям.. Здесь на каждом шагу можно видеть приспособления к суровым условиям жизни и главным образом к тому, чтобы перенести недостаток воды. На горных высотах Тян-Шаня солнце палит немилосердно, и лучи, падая на различные предметы, быстро нагревают их, воздух же остается холодным и земля прогревается только на очень небольшую глубину. Корни находятся в холоде, что задерживает поступление в них воды, а расход последней листьями может быть очень велик. Поэтому в горах растения обычно снабжены или луковицами, или клубнями, или толстым подземным стеблем (корневищем), т. е. такими органами, в которых запасается вода, и из них уже ею снабжаются листья. Сами листья или уменьшаются в размерах, как у различных остролодок, или вместе с тем становятся мясистыми, как у астрагала Ольги, или они покры-

ваются густым серебристым опушением, отражающим солнечные лучи, как у горного копеечника. Во время своего подъема мы находим растения в самых невероятных местах, там, где казалось бы не может расти ничто, но растения, борясь за свое существование, отыскивают какие-то щели в камнях, проникают в них корнями и благоденствуют.

После долгого утомительного подъема, карабкаясь по скалам, переходов по снежным полям и каменистым осыпям, мы выходим наконец на вершину. Отсюда открывается грандиозный вид во все стороны. На юго-западе по направлению к Ташкенту видна бесконечная, уходящая вдаль панорама равнинного Туркестана. Прекрасно видна блестящая на солнце серебром лента Чирчика и отходящих от него больших каналов. По берегам их темнеют пятна оазисов. Виден Ташкент с висящей над ним дымкой пыли. Но равнина не так приковывает к себе глаза, как гигантская горная панорама, заполняющая три четверти горизонта: снежные хребты, ледники, глубокие ущелья в самом причудливом хаосе загромождают все поле зрения.

Сама вершина, на первый взгляд пуста и безжизненна. Глыбы темного, почти черного мраморовидного известняка, во многих местах образующего груды обломков. Пятна снега. Отсут-

БИБЛИОТЕКА

ствие птиц, насекомых, растений. Жуткая тишина. Только мало-по-малу мы убеждаемся, что даже на этих мертвых скалах жизнь все-таки теплится: откуда-то залетела стая горных галок и, точно испугавшись молчания пустыни, стремительно исчезла в глубине ущелья. Медленно описывает в воздухе несколько кругов горный орел. На скалах виднеются какие-то странные зеленоватые наросты. Подойдя ближе, мы с интересом видим перед собой так называемые подушечные растения, а именно камнеломку Альберта. Эта камнеломка представляет собой множество стеблей, плотно прижатых друг к другу и образующих как бы полушарие с поверхностью, состоящей из концов веточек, листочков и цветов. Таким образом площадь, испаряющая воду, сведена до наименьших размеров. Растение это не одиноко: у подножия скал ютится и другой подушечник, гораздо более крупный по своим размерам, а именно „онобрихис ехидна". Подушки онобрихиса достигают почти метра в поперечнике. Они не такие плотные, как у камнеломки, но очень колючи, и, конечно, ни одно животное не может ни сорвать, ни съесть такой кустик.

Мы остаемся на вершине около двух часов. Подъем был настолько изнурителен, что необходимо восстановить силы. С наслаждением уничтожаем наши запасы. Особенно вкусными кажутся

захваченные с собой яблоки и огурцы. Голод был утолен, но утолить жажду оказалось гораздо труднее: приходится сосать снег, так как воды на вершине нет. Пользуемся тем, что нами захвачен сахарный песок и устраиваем себе своего рода мороженое, очень и очень, конечно, простецкое. Часы показывают четыре часа. Пора

Онобрихис ехидна

начинать спуск, так как, если ночь покроет нас где-нибудь в скалах, наше положение будет не из приятных.

На обратном пути нам приходится пройти через небольшую котловину, заполненную снегом. Мы идем прямо по снегу и с удивлением обращаем внимание на то, что наши следы почему-то красного цвета. Внимательный осмотр снега показывает, что на некотором расстоянии

под поверхностью он окрашен в красный цвет. Невольно вспоминаются виденные когда-то в детстве картины, изображавшие красный снег в полярных странах. Мы захватываем с собой этот красный снег, и в Чимгане на станции микроскоп открывает его секрет. Как и можно было предполагать, между кристалликами снега во множестве расположились маленькие красные клеточки водоросли, которую ботаники называют снежной сфереллой. Интересно, что в полярных странах эта водоросль покрывает поверхность снега, здесь же в Тян-Шаньских горах она ушла на некоторую глубину, очевидно, спасаясь от слишком сильного освещения: в полярных странах солнце лишь слегка подымается над горизонтом, лучи его косые и плохо греют, здесь же в полдень солнце стоит почти над головой, и лучи его чрезвычайно сильны.

Пройдя кровавый снег, мы попадаем на прекрасную лужайку с густой сочной травой, среди которой виднеется множество незабудок, лютиков, тюльпанов... Все цветы отличаются своей величиной и яркостью окраски. Такие же крупные и яркие цветы видны около ручья талой снеговой воды: здесь растут голубые изопирумы, нежные молочно-белые водосборы, розоватая горная валериана, целые заросли оксирии, родственной нашей русской гречихе. Невольно поражает,

что на таком блестящем пестром альпийском лугу видно очень мало насекомых: только аполлоны время от времени лениво пролетают из стороны в сторону. Можно думать, что есть какая-то связь между этими бросающимися в глаза цветами и бедностью насекомыми: как-будто бы здесь победили в борьбе за существование те растения, которые больше всего бросались в глаза немногочисленным насекомым-опылителям и поэтому имели больше шансов образовать семена.

Спуск идет гораздо скорее, чем подъем: не надо поднимать самого себя все выше и выше, не надо задыхаться и останавливаться через каждые два — три шага на отдых. Нужна лишь осторожность и внимательность, чтобы не оступиться и не полететь со скалы или не покатиться вместе с осыпью. Наконец мы минуем скалы, выходим на склоны, покрытые травой, любуемся здесь на цветущие „молочно-белые эремурусы", соперничающие по красоте с „мощным эремурусом" более низких горных поясов, задерживаемся на некоторое время среди кустарников, чтобы нарвать букеты прекрасных альпийских душистых гвоздик, и только, когда нам после окончательного спуска надо при переходе через речку подняться на ее крутой берег, только тогда мы чувствуем в ногах страшную усталость. Колени точно перебиты, так как во все время

спуска на их мышцах держалась вся тяжесть тела. Усталые мы приходим домой, под свои ореховые деревья, где нас дожидаются уже и заботливо приготовленный ужин и, главное, укрепляющий сон.

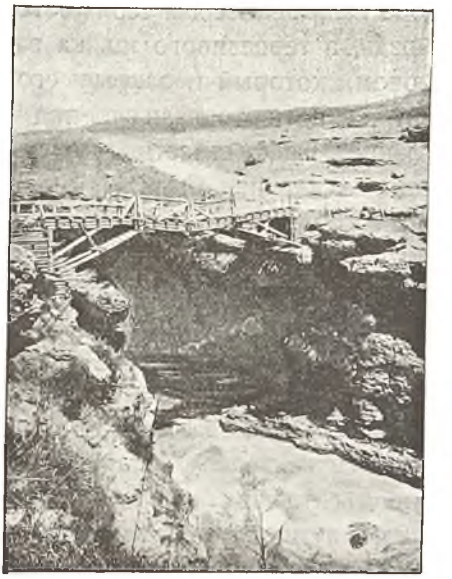
На следующий день от усталости не остается и следа, и только бесконечное количество впечатлений, набранные коллекции и материалы, да вдребезги разлетевшаяся обувь живо напоминают о вчерашнем походе, после которого все подымавшиеся на Большой Чимган глядят на него с еще большей почтительностью, чем обычно.

Южная часть Чимганской долины с Большим Чимганом

VI. В ДОЛИНЕ РЕКИ ЧАТКАЛА

Другая экскурсия посвящается нами долине реки Чаткала. Здесь одним днем обойтись уже нельзя, предстоит несколько ночевок; брать с собой приходится не только провизию, но и подстилки для спанья, так как после утомительного пути не так уже приятно ночевать на голых камнях. Нести всю поклажу на себе нечего и думать, так как с грузом на спине очень скоро перестаешь чем-либо интересоваться. Поэтому мы нанимаем вьючных лошадей и в качестве не столько проводника,

Бриг-муллинский мост через реку Чаткал

сколько конюха—молодого таджика из Брич-Мулль со звучным именем Султан-Амурат или, покороче, Султан. Султан для себя привел осла, но очень скоро нашел более для себя достойным воссесть на лошадь, а терпеливого ишака загрузить конским вьюком, который и закрыл его так, что только уши да ноги торчали из-под груды тюков и кульков. Надо сказать, что все мы в течение всей экскурсии были в восторге от своего ишака: бодрым шагом шел он всегда, никем не управляемый, впереди нашего каравана, обходя все препятствия и уверенно ступая по краю пропасти на каменных карнизах, где лошади скользили и падали.

Выступаем под вечер, рассчитывая переночевать в большом таджикском селении Бриг-Мулле, лежащем на правом берегу Чаткала, и рано утром двинуться вверх по этой реке. Первые километры пути идут по мягким склонам Малого Чимгана, густо поросшим высокими травами и кустарниками, затем от перевала, с которого открывается далекий вид на долину Чаткала, начинается длинный спуск к мосту, к которому мы и подходим почти в полной темноте. Мост—не для робких людей: он перекинут одним пролетом с берега на берег на высоте почти сорока метров над водой, выстроен без всяких чертежей и планов, по тому же образцу, по какому

строились здесь мосты две тысячи лет назад и по какому они строятся во всей нагорной Средней Азии. Даже когда он только-что построен, и тогда на него смотришь и по нему идешь с большим опасением.

В год нашей экскурсии окрестные жители с минуты на минуту ждали, что брич-муллинский мост через Чаткал должен рухнуть: балки его подгнили, кое-где полопались, и весь он прогнулся вниз, доски настила во многих местах вывалились.

И вот через этот-то страшный мост нам надо перейти самим и перевести груженых лошадей! По-одиночке, скрепя сердце, с большим сомнением за успех операции начинаем этот переход. В темноте двигаемся вперед по какой-то наклонной плоскости, которая дрожит и трещит под ногами, слышим под собой страшный грохот Чаткала и через некоторое время благополучно переходим. Но с каким удовольствием мы потом, спустя несколько месяцев, сидя в Ташкенте, узнали, что мост все-таки рухнул и рухнул сам по себе, не под чьей-нибудь тяжестью! Больше нам по нему ходить не придется.

Селение Бриг-Мулла расположено со своими садами и усадьбами в том месте, где из гор выходит впадающая в Чаткал горная речка Кок-Су (голубая вода). Вода в ней чиста и прозрачна и даже в тонких слоях отличается своим

голубоватым цветом. Ущелье Кок-Су выше Бриг-Муллы поражает своей живописностью и грандиозностью.

Над самой Бриг-Муллой возвышается как башня древнего замка исполинская скала Кара-Сия (черная крепость). Кишлак весь закутан садами, прорезан журчащими ручьями и в летнее время привлекает из Ташкента много дачников, ищущих защиты от городских пыли и зноя. Население Бриг-Муллы принадлежит к таджикам, подвергшимся сильному влиянию со стороны узбеков. Занимаются они земледелием и садоводством.

Мы часто с удивлением замечали их пашни на таких крутизнах и высотах, куда, казалось, и птице трудно залетать. Однако человек в Туркестане так дорожит каждым клочком „удобной" земли вблизи своего жилища, что решается на какие угодно трудности и делает зачастую вещи, которые на первый взгляд кажутся совершенно немыслимыми.

В последние годы большое подспорье хозяйству брич-муллинских таджиков доставила зизифора, в обилии растущая в окрестностях селения. Заметную роль играют также дачники, снимающие помещения и покупающие пищевые продукты, а также соседство курорта в Чимгане, куда каждое утро отправляются из Бриг-Муллы караваны ишаков с фруктами, курами, яйцами...

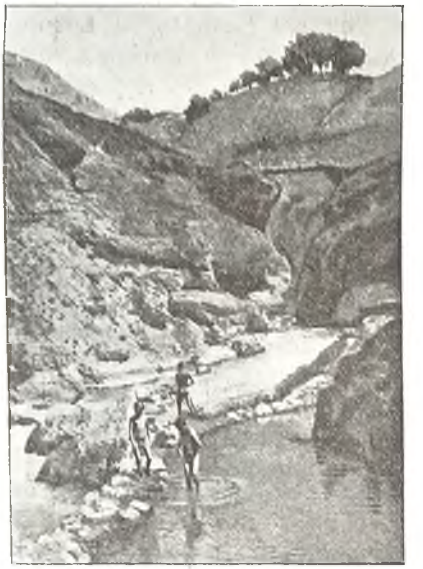
Устраиваемся на ночлег в чай-хане на базарной площади, спим под открытым небом и рано утром отправляемся по спящим улицам кишлака по направлению к ущелью Чаткала, о котором все мы много слышали, но в котором были

Слияние рек Кок-Су (справа) и Чаткала (слева). Обрывы сложены из конгломератов. Вышина их около 40 метров.

только очень немногие из нас. Уже из Бриг-Муллы можно составить себе некоторое представление о грандиозности ущелья, так как отчетливо видно, что непосредственно от Чаткала почти отвесно подымается громада горы Ау-Кашка, на высоту более двух километров,

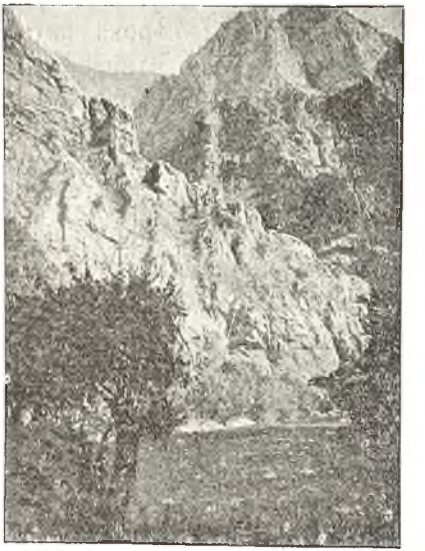
Через час ходьбы по совершенно пустынной каменистой местности мы приходим к лежащему на берегу Чаткала холму Аурахмат — чуть ли не единственному в нашем Союзе месторождению плавикового шпата, минерала, имеющего очень большое техническое применение. Месторождения эти года два разрабатывались, но потом почему-то дело заглохло. Кристаллы плавикового шпата, окрашенные в зеленоватый, розоватый, аметистовый цвета, чрезвычайно красивы, и экскурсанты с большим увлечением выбирают себе наиболее эффектные кусочки из груды

Купанье на Кок-Су и мостик на дороге Бриг-Мулла—Богустан

обломков, валяющихся на месте бывшей разработки.

Недалеко от месторождения плавикового шпата между выжженными солнцем горными склонами приютилось так называемое „святое место“ — могила какого-то уважаемого таджика, около которой бьют из земли родники и растут прекрасные тополя и шелковицы, обвитые старыми виноградными лозами. На ветвях деревьев висят какие-то тряпочки: очевидно приношения верующих мусульман, ожидающих помощи от „святого“. Около могилы прохладно в самый жаркий день и так приятно отдохнуть прежде, чем снова выходить

Река Кок-Су вблизи Бриг-Муллы

на залитое солнечными лучами пространство. Продвигаемся еще два — три километра. Пересекаем текущую слева речку Польтау, известную своим водопадом: в эффектном гроте, напоминающем сводчатую готическую постройку, столб воды падает с высоты сорока пяти метров, долетая донизу уже только в виде клочьев белой пены. В гроте влажно и прохладно, и из Бриг-Муллы сюда охотно ходят на прогулки, хотя подступы к водопаду довольно утомительны.

Почти сейчас же за Польтау начинается ущелье. С обеих сторон грандиозные горы подымаются крутыми обрывами до высоты вечных снегов. Далеко внизу шумит зеленоватый Чаткал. Узкая дорожка вьется по откосу правого берега, иногда прерываемая осыпями известняковых обломков, иногда проходящая по скалам.

В некоторых местах приходится пробираться с осторожностью, так как неверный шаг грозит падением и гибелью. В таких местах невольно думаешь: „А если попадется встречный? Что тогда?"

Растительности мало. Лишь кое-где на склонах видны виноградные лозы да попадаются одиночные экземпляры фисташки и железного дерева — остатки когда-то бывших здесь лесов. Животная жизнь почти незаметна. За целый день пути мы встречаем только одного синего дрозда, очень

характерного для этой области гор, с интересом наблюдаем красивого стенолаза да несколько раз прислушиваемся к крику горной куропатки.

Отсутствие живых существ восполняется грандиозностью общей обстановки. Время от времени мы переходим небольшие речки, несущиеся в Чаткал и падающие в него с большой высоты изящными водопадами. Ущелье одной из таких речек несколько шире других и заросло различными деревьями и кустарниками, что делает его чрезвычайно приятным для глаза, утомленного дикими и грандиозными картинами. По словам нашего проводника Султана, место это носит название Худай-Дод.

Ущельице было настолько хорошо, что мы решили сделать здесь привал. Быстро были разведены костры из валявшихся под деревьями сухих сучьев; лошади и ишак были освобождены от своих вьюков и пущены пастись по сочной траве, растущей вдоль речки.

Быстро протекли два часа, и освеженные мы двигаемся дальше по чрезвычайно эффектной дороге: тропа подымается на большую высоту и идет по чрезвычайно узким выступам скал—карнизам, иногда вступая на так называемые балкончики, т. е. на искусственные сооружения из веток и колышков, набитых в откос горы. Для слабонервных ходить по таким дорожкам,

на высоте нескольких сот метров над рекой— настоящее испытание, особенно в тех местах, где карниз идет не горизонтально, а круто поднимается вверх или, что еще хуже, спускается вниз: лошади в таких случаях начинают скользить и пугаться, вьюки ежеминутно подвергаются опасности полететь в Чаткал, и приходится напрягать все внимание, чтобы благополучно миновать жуткое место.

Недалеко от цели нашей экскурсии тропа выходит на вершину гигантской скалы, с которой открывается вид на Чаткал и на впадающую в него слева, тонущую в живописном лесистом ущельи, зеленовато-бирюзовую реку Ак-Булак. На вершине скалы виден небольшой окоп, из которого в 1923 году кучка красноармейцев долгое время охраняла виднеющийся внизу мост Имам-Хан-Купрюк от старавшихся прорваться на нашу сторону больших отрядов разбойников-басмачей из района знаменитого басмаческого гнезда в верховьях Чаткала—окрестностей гробницы святого Идрис-Пайгамбара (мусульманского Ильи-пророка). Басмачи были многочисленны и настойчивы, и только бдительность красноармейцев и узкая дорожка сохранили от разгрома Бриг-Муллу, Чимган и другие поселения, лежащие ниже по Чаткалу. Теперь, кроме молчаливого окопа, ничто не напоминает этих грозных

дней. Около моста виднеется лишь стадо овец, которых перегоняют здесь из Аулие-атинского округа в Ташкентский район.

Переходим по зыбкому мосту, устройство которого еще проще, чем бриг-муллинского, и на той стороне находим шалаш из веток. По надписи на столбе узнаем, что шалаш принадлежит русскому пасечнику, только накануне ушедшему отсюда из-за недостатка пищи. Осматривая окрестности, находим и другие следы пасеки: ульи, спрятанные в расщелинах скал, кое-какие предметы домашнего обихода. Окружающая местность так хороша, что мы сначала думаем расположиться здесь на ночевку и до вечера поэкскурсиро-

Балкончики на Чаткальской тропе

вать в ущелье Ак-Булака. Однако, возвратясь с купанья, обнаруживаем, что в наше отсутствие ишак нашего Султана, подобравшийся к мешку с фуражем, съел весь запас ячменя для вьючных лошадей. Это путает все наши расчеты: травы около Имам-Хан-Купрюка нет, и лошади рискуют голодать до утра. Решаем возвратиться в Худай-Дод, где мы будем все-таки ближе к Бриг-Мулле, где нам не будут предстоять карнизы и балкончики и где лошади найдут траву.

С сожалением ограничиваемся поэтому небольшой прогулкой по ущелью Ак-Булака, а затем

Скалы на берегу Ак-Булака

вьючимся и идем обратно в Худай-Дод, где и располагаемся на ночевку прямо под открытым небом. На следующий день возвращаемся в Бриг-Муллу, экскурсируем вверх по Кок-Су, где любуемся грандиозными разноцветными осыпями и обрывами, проходим в ущелье Кара-Сия с его каскадами и водопадами и наконец поздно вечером, страшно усталые, одолев огромный подъем, приходим в Чимган.

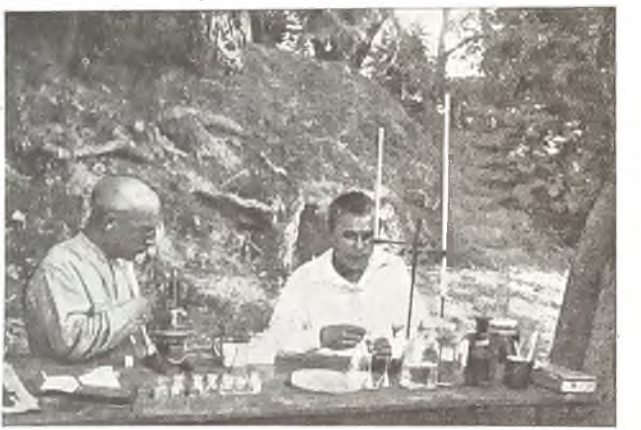

Караван на обратном пути в Чаткальском ущелье

VII. ЗАДАЧИ НАШЕЙ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

В таких экскурсиях проходит значительная часть лета. В промежутках обрабатывается собранный материал: сушатся растения, изучаются пробы водорослей, взятых в горных потоках, подсчитываются наблюдения, делавшиеся над температурой воздуха и воды, над содержанием в воде различных веществ.

Но и помимо обработки собранных нами материалов на станции кипит работа: при помощи микроскопов, измерительных приборов, весов изучаются те особенности растений, которые объясняются действием горных условий. Эта работа конечной своей целью имеет выяснение

За работой

тех причин, которые привели растительный мир к его теперешним удивительным приспособлениям, к его разнообразию, короче говоря, причин происхождения видов. Великий английский ученый Чарльз Дарвин дал в своих замечательных трудах общие законы, по которым в течение

тысячелетий развивался животный и растительный мир. Задача современных работников—разрешить отдельные вопросы этого развития, и вопрос о влиянии внешних условий на форму и свойства растения — является, конечно, одним из очень важных.

К концу лета накапливается масса разнообразного научного материала, который долго еще придется разрабатывать после возвращения в город. Вместе с тем все запасаются здоровьем: недаром Чимган считается лучшим курортом Средней Азии. Все, кто в Ташкенте отличался бледностью, малокровием, плохим сном, здесь преображаются: все загорают, прибавляют в весе, спят здоровым крепким сном. Появляется необычайная бодрость духа, способность много и плодотворно работать. Не хочется уезжать в пыльный, душный Ташкент и, хотя и в Чимгане к концу августа растительность вся выгорает, но прохладные ночи и всегда ясное безоблачное небо и свободный от пыли воздух долго не пускают от себя всех нас. Но всему приходит конец:

Угасающий отблеск зарницы
Уж осенние горы вобрали.
За передними — в темные дали—
Устремились отставшие птицы [1].

[1] Китайский поэт Ван-Вэй.

Снова поскрипывают арбы, снова тянется караван по пыльной дороге. Мы въезжаем в Ташкентский оазис. В первой же чай-хане громадные, ароматные бухарские дыни несколько примиряют нас с разлукой с Чимганом, но мы не устаем следить глазами за розовеющим в лучах заходящего солнца гигантским куполом большого Чимгана, пока ночь не скрывает его от нас.

В обратный путь

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Едем в горы 3

Арбы. — Арыки. — Сады. — Чай-хане. — Рис и малярия.

II. Работа горных потоков 10

Что такое конгломераты и сили.—Гигантские чинары.

III. Речные долины 18

Купанье на любителя. — „Страна садов". — Таджики. — Растение „зизифора".

IV. Подъем на Малый Чимган 25

Горные растения.

V. Восхождение на Большой Чимган 31

Снаряжение. — Интересные птицы. — Образование горы. — „Акантолимон" и другие высокогорные растения. На вершине. — Кровавый снег. — „Цветник" вблизи снегов.

VI. В долине реки Чаткала 47

Достоинства шпака. — Мост не для робких людей. — Пашня на крутизнах. — Плавиковый шпат. — Водопад. — В ущелье. — Карнизы и балкончики. — „Горное гнездо" красноармейцев.

VII. Задачи нашей научной работы 59

В обратный путь!